

Т.Н. Воронина, З.А. Белова
 Вологодский государственный университет

МОТИВ БОГАТСТВА В РОМАНЕ Т.Н. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

В статье анализируется мотив богатства в романе Т.Н. Толстой «Кысь»: его динамика, роль в развитии сюжета и связь с идейным миром произведения. Рассматривается, как автор разыгрывает классический сюжет пробуждения сознания маленького человека в стилистике постмодернизма. Отношение к достатку и изменение наполнения данного понятия маркируют этапы эволюции главного героя, который проходит путь духовного становления и параллельно продвигается от низших ступеней социальной иерархии к высшим. Делается вывод, что развитие мотива основано на контрасте формы и содержания: внешне представления героя о богатстве развиваются от материальных к духовным, однако фактически пробуждения личности не происходит, Бенедикт претерпевает нравственную мутацию.

Мотив, сюжет, Т.Н. Толстая, маленький человек, постмодернизм, богатство.

Литературный процесс в России конца XX – начала XXI века характеризуется активным поиском проблемно-тематических и поэтико-стилевых решений. На рубеже столетий авторы особенно остро ощутили настрой переломного времени, что воплотилось в их творчестве, в частности в абсурдистском отображении действительности. Данная тенденция просматривается у разных по духу писателей, например, у М. Веллера («Хочу в Париж»), В. Пелевина («Generation “П”» и др.), Е. Гришковца («Как я съел собаку», «Зима»), Д. Быкова («Эвакуатор»).

Одним из ярких представителей литературы данного периода является и Т.Н. Толстая. В основе ее прозы зачастую лежит противоречие действительности и вымысла, видимости и сущности. Отсюда вытекает основной конфликт – между мечтой и реальностью. Но автор отходит от изображения типичного романтического двоемирия и осмысливает мир в единении реального и ирреального, низменного и возвышенного. Также характерной чертой прозы Т.Н. Толстой является обращение к фольклорным и литературно-мифологическим мотивам и образам. Это объясняется желанием автора абстрагироваться от исторических и пространственно-временных границ, чтобы иметь возможность заново осмыслить непреходящие нравственные ценности.

Названные черты присущи и роману-антиутопии «Кысь», изданному в 2000 году. Ведущая проблема произведения – поиск утраченной духовности, внутренней гармонии – раскрывается через символический образ Книги. Культура, погубленная катастрофой (Взрывом), осталась в книгах. Однако культура эта – мертва, ибо ее жизнь не в буквах, отвлеченных черных знаках на белом фоне, а в людских Словах и сознаниях.

Объектом внимания исследователей романа Т.Н. Толстой «Кысь» преимущественно стали значимость произведения в контексте творчества писательницы [2], вопросы жанровой специфики [3] и мифопоэтики [5]. Мотивному анализу посвящены работы О.Е. Кры-

жановской [2], Т.Н. Спиридоновой [5], О.Г. Малышкиной [4] и др. При этом основное внимание уделяется мотивам Кыси, мыши, Книги и игры. Однако сложная мотивная структура романа не сводится к означенному списку. В развитии сюжета ключевыми мотивами, на наш взгляд, помимо названных и хорошо изученных Кыси, мыши, игры и Книги, являются мотивы мечты, богатства, предательства, наставничества и мутации, которые пока остаются на периферии исследовательского внимания. Цель настоящей работы – проследить развитие мотива богатства в романе «Кысь», выявить его роль в развитии сюжета и связь с идейным миром произведения.

В терминологическом отношении для нас важно классическое понимание мотива, сформулированное А.Н. Веселовским [1, с. 305]. Согласно его определению, мотив – элементарная повествовательная единица, далее неразложимая «клеточка» сюжета. Сюжет складывается из мотивов, а также во многом ими определяется. В то же время сюжет не сводится к составляющим его мотивам. Он – самостоятельное структурное образование, специфическая целостность.

Роман «Кысь» можно рассматривать как постмодернистскую вариацию классического сюжета: историю пробуждения сознания «маленького человека», усомнившегося в справедливости установленного порядка вещей. Различные интерпретации данного сюжета представлены в произведениях отечественной литературы XIX–XX веков, например: «Станционный смотритель» А.С. Пушкина, «Шинель» Н.В. Гоголя, «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, «Мать» М. Горького, «Мы» Е.И. Замятина. Бунт героя может быть посмертным, робким и бессильным, более или менее осознанным, но неизменно заканчивается поражением при открытом столкновении с системой. Т.Н. Толстая берет классический сюжет, но в соответствии с законами абсурда выворачивает его наизнанку: намеченное пробуждение личности в Бенедикте оборачивается нравственной мутацией. Причины такого превра-

щения кроются не только в системе, но и в значительной степени в нем самом.

Бenedикт наделен чертами персонажного типа «маленький человек» [7]: он социально ущемлен, занимает низшую ступень в социальной иерархии города Федор-Кузьмичска («голубчик»), поэтому (особенно поначалу) покорен и невзыскателен. Его внутренний мир отличается глубиной переживаний, хотя лиризация и драматизация жизни души персонажа иронически окрашена: *Жил, жил, солнышку радовался, на звезды печалился <...> мечты мечтал приятные – и вдруг такой удар. Это, прямо сказать, драма! Позор и драма – такого еще небось ни с кем и не приключалось, даже с колобком!!!* [6, с. 162]. Он имеет объект любовного обожания (Оленьку), который в итоге утрачивает, так как светлый романтический образ возлюбленной рушится в сознании героя. И наконец он проходит путь от убеждения в незыблемости и правильности общественного устройства (*Пропали бы мы без Федора Кузьмича, ей-ей, пропали бы! Все-то он возвел и обустроил, все-то головушкой своей светлой за нас болеет...* [6, с. 22]) до бунта, приведшего к свержению Набольшего Мурзы. Т.Н. Толстая травестирует классические сюжетные ходы, представляя серьезное содержание в ироническом виде, заземляя все высокие устремления героя. Заявленного и ожидаемого пробуждения сознания героя не происходит, к финалу романа Бенедикт нравственно деградирует, принимает «голубчикову» сторону.

В реализации данной истории одним из ключевых является мотив богатства. Бенедикт часто предается мыслям и мечтам о достатке, само содержание понятия «богатство» для героя претерпевает значительные изменения на протяжении повествования.

Достаток, богатство – одна из «вечных» литературных тем. Вопрос о значении материального имеет многовековую историю. Для русской литературы характерно представление о греховности богатства, соотносящееся со словами Христа: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24). Такое отношение к материальным благам можно увидеть в житиях святых, путь которых к святости зачастую начинается с отказа от богатства и раздачи своего имущества бедным. Во многих классических произведениях данная тема играет важную роль. Финансовое положение персонажа нередко определяет образ его мыслей и логику поведения. Так, в повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» на материале малороссийского фольклора разработана одна из тем, характерных для творчества европейских романтиков, – тема продажи души дьяволу. У Гоголя золото – знак самого дорогого, красивого, желанного, знак могущества, богатства. Гоголя волновали вопросы греховности последнего, «нечистого» происхождения богатства, его пагубного влияния на душу человека. Данная тема нередко бывает связана с сюжетом брачной аферы или выгодного брака как способами быстро улучшить материальное положение и социальный статус (древнерусская «Повесть о Фроле Скобееве»; А.Н. Островский «Свои люди – сочтемся», «Бесприданница», «Женитьба Бальзаминова»; А.В. Сухово-Кобылин «Свадьба Кречинского»; А.П. Чехов «Анна на шее»).

Главный герой романа «Кысь» размышляет над вопросами своего благосостояния в самые разные периоды жизни. Меняется не только определение, которое дает богатству Бенедикт, но и отношение героя к нему.

Мотив богатства впервые встречается в начальной главе «Аз», где описаны география, социально-политическое устройство и особенности мира городка Федор-Кузьмичска. Основным способом репрезентации сознания главного героя в романе является внутренний монолог, который часто сливается с голосом повествователя в форме несобственно-прямой речи, поэтому их голоса довольно сложно разграничить. О богатстве в первой главе говорится отстраненно словами Бенедикта с просвечивающей сквозь них иронией повествователя. Герой не причисляет себя к людям обеспеченным, характеристика богачей включена в общий ряд описываемых жителей: *Там и сям черные избы вереницами – за высокими тынами, за тесовыми воротами; на кольях каменные горшки сохнут или жбаны деревянные; у кого терем повыше, у того и жбаны поздоровей, а иной целую бочку на кол напялит, в глаза тычет: богато живу, голубчики! Такой на работу не пешедралом трюхает, а норовит в санях проехаться, кнутом помахивает; а в сани перерожденец запряжен...* [6, с. 6]. Достаток ассоциируется с размером имущества (чем больше, тем лучше), с демонстративным поведением, а также мыслится как атрибут чужой жизни, в которую герою доступа нет.

Далее в главе «Зело» Бенедикт размышляет о богатых как об отдельной категории людей, обозначает их место в социальной иерархии (Богач Варсонофий Силыч – Большой Мурза). Взгляд Бенедикта направлен снизу – вверх, простой голубчик смотрит на знатного Мурзу с восхищением и присущей «маленькому человеку» покорностью. Герой смиренно принимает обстоятельства жизни (собственное материальное и социальное положение), принижает себя, возвышая вышестоящее лицо. Представление о богатстве неразрывно связано в сознании Бенедикта с понятием «ум», точнее, «государственный ум»: *Богатые, – они потому богатыми называются, что богато живут. Взять Варсонофий Силыча, Большого Мурзу. Ума Варсонофий Силыч государственного, такового же и вида: тучности прямо изумительной <...> Вот оно-то и есть государственный ум. Оттого и живет Варсонофий Силыч богато...* [6, с. 70]. Значение вышестоящих решений недоступно разуму простого голубчика, о чем Бенедикт не раз упоминает в тексте. Все, что связано с государством и властью, представляется запретным для обсуждения и размышления. Здесь опять достаток увязывается с размером («тучность изумительная»), а корреляция богатства и ума представлена в сознании героя как замкнутая друг на друге смысловая пара: умный, оттого что богатый, а богатый, потому что умный.

От отстраненно-восхищенного созерцания чужого богатства, свойственного человеку, которому закрыт доступ в мир сытых, Бенедикт постепенно приходит к мечтам о собственном благосостоянии. Мысли о возможности изменить свое материальное положение связаны в сознании героя с собственными умениями,

он поначалу рассчитывает только на свои силы (...*ай, ведь до чего удача хорошая, когда ум к делу приложен: за одну ночь заработал себе цельный стол еды* [6, с. 113]). В главе «И десятиричное» после удачной охоты за мышами, которых можно выгодно продать, герой впервые говорит о богатстве применительно к себе: *А сегодня с утра новое чувство вступило: чувствовал себя Бенедикт умным и богатым, и охота было, чтоб все видели: вот он идет, Бенедикт, умный и богатый. И щедрый <...>. Сам идет, сам гордится. Здорово. И непривычно как-то* [6, с. 111]. Слово «богатый» употребляется несколько раз в одном предложении. Во-первых, Бенедикт обращает внимание на перемены в своем материальном положении, а во-вторых, и сам примеривает на себя новую, пусть пока временную, роль. Несмотря на то что богатство пока мыслится исключительно как материальное, слово «богатый» опять употребляется в сочетании с характеристикой «умный», причем богатство ставится на второе место, всегда упоминается как следствие ума (*Нынче Бенедикт чувствовал себя умным и богатым. Потому и богатым, что умным* [6, с. 110]). Многократные повторы смысловой пары «богатый – умный» акцентируют не только их нерасторжимую связь в сознании героя, но и стремление последнего улучшить также свое духовное «благополучие», что параллельно подкреплено его нарастающим интересом к чтению книг.

Обзаведясь «богатством» (несколько связок пойманных накануне им же мышей), Бенедикт начинает считать себя выше простых голубчиков, к коим и сам принадлежит, что проявляется в его демонстративном поведении. Придя на торжище, он ведет себя как барин, пробуя и покупая всевозможные товары, а в завершение нанимает холопа, чтобы нести провизию домой. Делает он это с целью показать свою знатность. Но замыслу Бенедикта не суждено осуществиться, отсутствие саней у богача тут же выдает в герое обыкновенного голубчика, делает смешным в глазах окружающих: *И еще холопа нанял всю эту тяжесть до дома доволочь, а по правде сказать, не столько оно тяжело было, сколько знатность свою охота было вволюшку выказать. Дескать, **вознесся выше я главою непокорной александрийского столпа**, ручек не замараю тяжести таскавши. Обслугу держу. Не вам чета. И сейчас же неувязочка вышла: которые Бенедикта не знали, думали, что такой богач беспреречно в сани сядет, а какие ж у Бенедикта сани? Хотел власть почваниться, а нет, не удалось* [6, с. 113]. Мечта «возвыситься» формулируется здесь цитатой из «Памятника». Миф о Пушкине становится в романе звеном, связывающим поколения «прежних» и «голубчиков», образом исчезнувшей культуры, по которой тоскует Бенедикт. Но утрата культурного кода, примитивизация мышления «голубчиков» делают невозможным адекватное восприятие текстов поэта. Однако Пушкин как символ культуры не исчезает, а обретает новую, пусть и странную, жизнь. В устах героя пушкинское слово попадает в чуждый, бытовой контекст и мутирует до неузнаваемости. Происходит примитивное наполнение высоких смыслов: стал богаче, а значит, и «выше» голубчиков в социальной иерархии Федор-Кузьмичска. Цитата

придает речи персонажа налет книжной архаики, а само понятие богатства таким образом приподнимается (по крайней мере, в глазах Бенедикта) над чисто бытовым значением.

Дорога к собственному достатку начинается с игры в него: герой сначала пытается выдать себя за богача на торжище, затем представляет себя же барином в мечтах. Так, после пережитого посрамления Бенедикт предается размышлениям о возможном собственном богатстве. Идея материального благополучия постепенно осваивается героем, трансформируясь из недоступной жизни других в модель собственного существования, пусть пока и иллюзорную. Здесь мотив богатства смыкается с мотивом мечты, который также варьируется на протяжении всего текста. Показательно, что в сознании Бенедикта мечта – всегда навязчивая идея, морок, и на уровне сюжета она связана с ситуацией выбора, в том числе и нравственного. По пути с торжища герой погружается в состояние на грани реальности и вымысла. В его голове оживают яркие образы «другого» мира, предстает жизнь, когда *Бенедикт до того разбогатеет, что, глядишь, и работать не надо!* [6, с. 114]. Герой явственно представляет себя богачом, рисует в воображении картины «новой» жизни до мельчайших подробностей: описывает интерьер, конструирует диалоги со слугами-голубчиками: *Слуг наймет: одних дом сторожить, да и дом-то надо светлый, высокий, двухъярусный, с приамбасами по кровле-то! <...> И баню хорошую построить <...> Ну, чего бы еще? Да! Сани!.. И подъезд к дому широкий, и ворота на замке... Эй, холопы, отворяй, барин едет!.. Вот все падают ниц. Бенедиктовы сани во двор въезжают и прямо к терему... А из терема навстречу Оленька, белая лебедушка: здравствуй, свет мой, Бенья, а попрошу к столу, уж так заждалися... все-то глазыньки проглядела...* [6, с. 115]. Здесь образ богатства дополняют типичные сказочные атрибуты: высокий терем, жена – царевна-лебедь, статус барина, слуги. Можно провести аналогию между внутренним монологом героя и древнерусским «Сказанием о роскошном житии и веселии»: Бенедикт представляет богатство в фольклорно-сказочном виде, как райскую жизнь, где всего вдоволь. На иррациональном уровне корреляция богатства и ума отсутствует, актуализируется наивно-детское ожидание чуда.

Вернувшись в реальность, герой сам именуется это состояние «видением». Бенедикт остро ощущает разницу между миром мечты и реальностью, но не желает признавать утопичность своих мечтаний и даже разоблачение своего выдуманного статуса оправдывает нереальностью происходящего. Чувство глубокого разочарования и недовольства своей жизнью он «поголубчиковски» связывает с Кысью, которая «выковырнула счастье» из его головы: *Вот видение-то какое вышло... избенка-то наша, прямо сказать, не терем. Холоп тусса поставил в снег. Усмехается <...> Намекнул, <...>, что и Бенедикт, мол, – не Бенедикт, а холоп чей да нибудь, как и он сам <...>. И мечты-то его все пустые <...> Нет, пропал холоп, как и не было... А может, примерещилось? <...> Бенедикт вздохнул тяжело, да сам свой вздох и услышал. Вот, опять... **Опять в голове раздвоение какое-***

то. То все было просто, ясно, счастливо, мечты всякие хорошие, а то вдруг будто кто сзади подошел да все это счастье из головы и выковырнул... Как кот-тем вынул... [6, с. 117]. Мечты о богатстве связаны с «раздвоением» личности, утратой покоя (как раньше, жить уже не хочет, а по-другому пока не может), что подталкивает героя к усиленным размышлениям и последующим судьбоносным решениям. Чем яснее материализуется образ роскошной жизни как постоянного атрибута счастья, тем острее Бенедикт ощущает близость Кыси, превращающейся из внешней силы в «мысленного волка» его собственных помыслов: зверя-искусителя, отравляющего желанием и сомнениями.

По ходу повествования мечты Бенедикта о богатстве сбываются в полном объеме (глава «Ферт»). Он женится по любви, но брак оказывается выгодным и выполняет роль социального лифта: Оленька – богатая наследница и дочь влиятельного человека. Герой начинает жить совсем другой жизнью, изменилось его семейное положение, изменилась профессия (работает Санитаром вместе с тестем Главным Санитаром Кудеяром Кудеярычем). Соответствующими стали материальное положение и социальный статус со всеми представлявшимися ранее в мечтах атрибутами: теремом, санями, холопами и т. д. Бенедикт из «маленького человека» становится «большим», такой поворот сюжета был невозможен в его классическом развитии. Т.Н. Толстая переигрывает данный сценарий в духе советской эпохи 1920–1930-х годов, вспомним соответствующие строки из «Интернационала», бывшего в то время гимном страны: «Кто был ничем, тот станет всем». В романе сказка буквально становится былью, что отрефлектировано героем: **Богач – вот он кто. Бо-гач! Бенедикт подумал про себя: «богач» – и сам засмеялся. Визгнул даже. Сам себе мурза! Салтан! Все у меня в руке, в кулаке, в буквах малых: и природа вся неохватная, и жизни людские! Стар и млад и красавицы несусветные!** [6, с. 238]. Здесь налицо корреляция богатства и власти, причем последнее приносит Бенедикту не меньшее удовлетворение.

Теперь, когда герой обеспечен всеми материальными благами, его представление о богатстве трансформируется. В момент, когда мечты о материальном благосостоянии претворяются в жизнь, Бенедикт не чувствует себя счастливым. *Работы никакой делать не надо, ни рубить, ни тесать; пешком ходить тоже не надо, – в саях доеду; кушать – беспрерывно пожалуйте, – так что Бенедикт раздобрел, али сказать, оплыл. Отяжелел. А не столько даже от еды отяжелел, сколько от дум тяжелых* [6, с. 306]. В размышлениях о том, чего не достает ему в новой сытой жизни, Бенедикт неожиданно для самого себя приходит к мысли о книге. Он обнаруживает ограниченность власти материального над человеческой душой, ощущает стремление к богатству иного рода. Никита Иваныч, представитель поколения Прежних, неоднократно говорит Бенедикту о необходимости искать «главную книгу», в которой сказано «как жить». Идея ее поиска самодостаточна, смысл не в обретении книги как предмета, а в самом пути (*книга та за семью воротами <...> а только страницы все*

перепутаны... И буквы не наши <...> в долине туманной... Значит, думай, Бенедикт... [6, с. 285]). Но незрелое сознание героя не в состоянии понять истинного смысла сказанных слов. Бенедикт, получив новые полномочия, воспринимает слова своего наставника буквально. Идея сохранения культуры превращается в охоту за книгами, некогда пыгливый юноша мутирует в жестокого убийцу-санитара. Показательным является эпизод его первого рабочего дня в новой должности. В погоне за книгой герой, находясь в состоянии морока, безумия, по неосторожности убивает «голубчика». И первая мысль, которая посещает его после произошедшего, связана с книгой. Бенедикт оправдывает свой поступок «высокой» целью: *...а книгу убе-рег!* [6, с. 258]. Названный предмет становится для него главным сокровищем. Подтверждение этому видим далее в развернутом монологе Бенедикта: *Книга! Сокровище мое несказанное!..* [6, с. 285]. Хаотичное чтение всех книг без разбора для героя – возможность уйти от реальности в иллюзорный мир. «Видения», которые раньше были связаны в его сознании с мечтами об Оленьке и богатстве, претворились в жизнь и обернулись разочарованием. В попытке снова обрести счастье Бенедикт обращается к книге. Герой «проживает» жизни персонажей, в то же время упуская свою: перерожденец Тетеря занимает место Оленькиного мужа и соратника тестя-революционера.

Морок, в котором пребывает Бенедикт, все больше обретает физическое воплощение, становится зрительной галлюцинацией. Именно в состоянии болезненной мании обладания герой снова обращается к размышлению о богатстве. Он опять применяет его к себе, но на этот раз чувствует безграничную власть над миром: все более размытыми и гиперболизированными становятся предметы «богатства», теперь это не дом и не сани, это природа и «жизни людские». Бенедикт возвышает себя над окружающими (теперь он – «государственный ум»), полностью погружается с помощью чтения в мир мечты и считает его единственной реальностью. Мысли смиренного «маленького человека» об устройстве мира как даре, ниспосланном кем-то свыше, сменяются тщеславными утверждениями о собственном могуществе. При этом герой смутно ощущает, что не все сокровища вселенной ему доступны: *Али не нам эти небесные огни предназначены: что разглядишь при их тусклом, неживом мерцании! А наверно так, а не для нас они!.. А и все так! Будто кто для нас, для людей, изо всей безмерной природы малый кусок выкроил...* [6, с. 117].

Поиск «главной книги» – одна из основных проблем романа. Мы видим счастье и трагедию этого поиска. Бенедикт, переписчик и книголюб, изначально заморожен азбукой, а позже из любви к искусству поддается в Санитары и даже захватывает вместе с тестем место Набольшего Мурзы. Но герой, сделавший в итоге книгу своим главным сокровищем, не находит смысла ни в ней, ни в материальном богатстве, ни во власти. Он только преумножает ощущение бессмысленности происходящего и внутренней пустоты: *Внутри, – смотри – и внутри нет его, уж всего вывернуло наизнанку, нет там ничего! Кишки одни! Голодно мне! Мука мне!..* [6, с. 366]. Т. Толстая иронически обыгрывает ментальные стереотипы о рус-

ской тоске, которая постоянно подталкивает героя к поиску смысла жизни, заставляет желать чего-то большего. Однако неразвитость и интеллектуальная незрелость Бенедикта делают его стремления к духовному богатству бесплодными.

Таким образом, мотив богатства в романе выполняет характерологическую и сюжетообразующую функции. Отношение к достатку, изменения степени причастности к нему и наполнения данного понятия маркируют этапы эволюции главного героя, прошедшего путь от социально приниженного элемента к статусу власть имущего. Параллельно происходит духовное становление «маленького человека». Оценка понятия «богатство» с позиции героя позволяет судить о степени его удовлетворенности своим положением на разных этапах пути пробуждения сознания: от сомнения в том, что его жизнь самодостаточна, через мечты о возможности лучшей участи и размышления о смысле жизни к осознанию своей миссии хранителя культуры. Мотив богатства неразрывно связан с мотивом мечты. Мечты о достатке, о «другой» жизни погружают Бенедикта в состояние на грани реальности и вымысла, «видение» о красивой жизни из романтической иллюзии превращается в морок и галлюцинацию, обнажая опасность таких притязаний. В его сознании благосостояние неразрывно связано с умом, т.е. багажом интеллектуальным, что акцентирует стремление персонажа к духовным ценностям. Формально представления героя о богатстве развиваются от чисто материальных, наделенных фольклорно-сказочной атрибутикой (терем, сани, жена-царевна-лебедь, никто не работает и всего вдоволь), к возвышенным и начинают соотноситься с Книгой, культурой, осознанием своей миссии в жизни. Однако фактически пробуждения личности не происходит, Бенедикт претерпевает нравственную мутацию, становится предателем и убийцей, оправ-

дывающим свои действия возвышенной целью. Главная Книга так и остается для него вещью, которой можно лишь владеть как имуществом и хранить как сокровище, ее содержание закрыто и недоступно внутренне незрелому герою. Потенция к духовному росту оборачивается деградацией, обнажающей духовную бедность разбогатевшего Санитара Бенедикта. Игра с материальным и духовным наполнением понятия «богатство» усиливает контраст между формой и содержанием поисков героя, реализуя историю в постмодернистском ключе: высокие помыслы о Главной Книге заземляются и примитивизируются в манию обладания ею как предметом.

Литература

1. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Высшая школа, 1989. – 404 с.
2. Крыжановская, О. Е. Антиутопическая мифопоэтическая картина мира в романе Татьяны Толстой «Кысь» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. Е. Крыжановская ; Тамбовский государственный университет. – Тамбов, 2005. – 22 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под редакцией А. Н. Николюкина. – Москва : Интелвак, 2001. – 1600 с.
4. Малышкина, О. Г. Игровые мотивы в романе Т. Толстой «Кысь» / О. Г. Малышкина // Роман Татьяны Толстой «Кысь» : сборник статей. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2007. – С. 59–84.
5. Спиридонова, Т. Н. Мифопоэтика романа Т. Толстой «Кысь» / Т. Н. Спиридонова // Культура и текст. – 2005. – № 8. – С. 98–103.
6. Толстая, Т. Н. Кысь / Т. Н. Толстая. – Москва : Подкова, 2001. – 384 с.
7. Эпштейн, М. Н. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова / М. Н. Эпштейн. – URL: <https://culture.wikireading.ru/67166> (дата обращения: 25.11.2020). – Текст : электронный.

T.N. Voronina, Z.A. Belova

THE MOTIF OF WEALTH IN THE NOVEL «KYS» BY T.N. TOLSTAYA

The article examines the motif of wealth in the novel «Kys» by T.N. Tolstaya: its' dynamics, role in plot development and correlation with the range of ideas of the work. The article also observes how the author unfolds the classical plot of awakening «little man's» consciousness in postmodern stylistics. The protagonist undergoes a process of identity formation and simultaneously advances from lower to higher ranks of social hierarchy and stages of his evolution are marked by shifts in his attitude towards wealth and understanding of its concept. It is concluded that emergence of the motif is based on the contrast between form and content: the protagonists' ideas of wealth evolve from strictly formal to spiritual on the outside, however, the actual identity formation does not happen, Benedict experiences moral mutation.

Motif, plot, T.N. Tolstaya, «little man», postmodernism, wealth.